

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Не моё! Мужчина за кадром

Автором сего рассказа является Виктор Улин. Мне посчастливилось «скоммуниздить» парочку. — Что? Я не расслышал... — сказал Кузмин и вылез из-под капота.

Не из желания поговорить; напротив — кого угодно ему хотелось послать во всякие места, отправка в которые всегда облегчает собственные невзгоды.

Просто у него разламывалась спина; она болела давно, и уже казалось, что можно отдать десять лет жизни за возможность на минуту распрямить позвоночник. И вообще он устал до полусмерти. Хотя, несмотря на филологическое образование: специальности своей он стыдился и предпочитал не упоминать, что имеет диплом литературоведа — Кузмин не страдал технологическим кретинизмом, с техникой возиться умел и порой даже любил. Но только в случае, если то была техника — а не гроб на колёсах, именуемый машиной. В этой старой «шестёрке», оставшейся от покойного тестя, непрерывно что-нибудь ломалось, и ее можно было ремонтировать сутками напролёт. Жена бесилась и кричала, что нормальный мужик на его месте давно бы нашёл способ заработать на новую машину. Кузмин молчал и минимизировал ремонт, но машина должна была хотя бы ездить. А сейчас она отказывалась. Сегодня, пользуясь его сменным выходным и отгулом у жены, они вчетвером — с женой, дочерью и с тещей... чтоб ее расплющило грузовиком... — с утра поехали по магазинам. После каждого машина не хотела заводиться. И сейчас, когда они выехали из города и остановились у ненавистного Кузмину гипермаркета «Метро», куда женщины ушли как минимум на час, он решил наконец выяснить, в чем дело. Перспектива не радовала: либо умер аккумулятор, либо готовился к смерти стартер. Хотя все могло оказаться и проще: пропал «минус» на массу на проржавевшем до дыр кузове. Для проверки этих вариантов — кстати, далеко не всех возможных — требовалось время. Кузмин начал с самого простого: проверил стартерную колодку. Это ничего не дало, да и вряд ли могло что-то дать, если не обнаружился обломившийся провод. Следующим шел аккумулятор; требовалось открыть каждую банку и проверить электролит на прозрачность. Но добираясь до стартера, Кузмин испачкался: старый двигатель брызгал маслом, руки были по локоть черны, и он думал, что сделать сначала: взяться за аккумулятор, или обтереться.

И как раз в этот момент кто-то подошёл и что-то спросил.

Сторонняя сила предлагала сделать перерыв.

Кузмин разогнул онемевшую спину, потёр одна об другую грязные руки.

Перед ним стоял мужчина, примерно его ровесник. Одетый в простые на вид джинсы и футболку. Он казался бы симпатичным, если б не кепка-бейсболка и солнечные очки — две вещи, которых Кузмин не выносил.

— Прогостите, — тот сильно картавил. — Я вас попросил участвовать в съёмках.

— В... каких съёмках? — ошеломлённо переспросил Кузмин.

Он в самом деле не расслышал всего, что сказал незнакомец. Тем более, что говорил он как будто с полным ртом каши.

— Я режиссер, — он помахал книжечкой с фотографией и печатью. — Мы проводим фотосессию, и нам срочно понадобился... мужчина за кадром.

— «Мужчина за кадром»? Статист в массовке?

— Ну... — «режиссёр» уклончиво пожал плечами. — Трудно объяснить здесь. Ассистент на

месте покажет. За габоту получите пять тысяч.

— Сколько?! — Кузьмин невольно включился в беседу.

— Пять тысяч. Гублей, пгавда, — ответил режиссёр чуть смущённо. — Не доввагов и не евго. Это была какая-то фантастическая глупость. К нему, сорокапятилетнему неудачнику, ремонтирующему старые «жигули» на стоянке перед «Метро», где сверкали «хонды» и «мазды», подошёл некий «режиссёр» и сходу предложил сумму, равную его месячной зарплате. То есть зарплате на основном месте работы — вахтера в институте. Происходящее напоминало какой-то лохотрон, хотя время лохотронов давно прошло.

— Но... почему я? Вон тут сколько машин, там что — никто не соглашается?

— Там в основном женщины, — ответил режиссёр, — А мужчины, которых я пгосив... действительно не согвасились. А у нас безвыходная ситуация. Фогс-мажог.

— Форс-мажор? — переспросил Кузьмин. — Ну-ну.

И неизвестно зачем опустил капот.

— Да, опвата, газумеется, наличными. И вперед.

Режиссёр вынул из нагрудного кармана аккуратно сложенную пачку, вытащил почти новую грязно-оранжевую пятитысячную бумажку и протянул ему. Кузьмин взял ее автоматическим жестом — так, он читал, человек берет, протянутый рукояткой пистолет, оставляя свои отпечатки.

— Это не займёт много вгемени. Повчаса, не больше.

— А где эта самая ваша... фотосессия? — спросил Кузьмин.

— Да вот тут, — режиссёр махнул в сторону по-весеннему зелёного леса. — На песчаном кагьеге. Мы снимаем коллекцию купальников для сезона.

Кузьмин знал этот карьер — он лежал в пяти минутах ходьбы за лесополосой. И представлял собой нечто вроде вырытого в земле пляжа, где до самой засухи оставалось озерцо воды. Благодаря защищённости от ветра там было тепло даже сейчас. По выходным там всегда собирался праздный народ. Режиссёр не врал, на карьере в самом деле можно было снимать коллекцию купальников, как на море. Только зачем им понадобился «мужчина за кадром»? Впрочем, если все это было лишь ловушкой и его ждал удар по голове тяжёлым предметом, перспектива не пугала. Он почувствовал, до какой степени ему надоело, все: чёртово «Метро», куда нырнули его женщины, новорусские «лексусы» и вся неудавшаяся жизнь... И, возможно, такой исход оказался бы оптимальным для него, выпавшего из круга.

— Ну... пойдёмте, — сказал Кузьмин, возвращая бумажку режиссёру.

Сам не зная почему — видимо просто не веря в реальность.

Режиссёр при всей своей внешности и картавости, видимо, был человеком неглупым. Он сложил купюру вчетверо и... не отдал назад, не пихнул унизительно в карман джинсов. Шагнув мимо Кузьмина, открыл машину, ловким движением опустил противосолнечный козырёк, сунул бумажку в кармашек, потом и по-хозяйски захлопнул машину.

— У меня... времени мало, — уточнил Кузьмин.

— Не вовнуйтесь. Я же сказав — повчаса. От сивы сожок минут. Пойдёмте.

Глава первая

1

На узкой поляне перед карьером стояло несколько машин.

«Соболь» с занавешенными окнами, наглухо тонированный джип, пара «жигулей» и какая-то длинная низкая иномарка. Подойдя к самому краю, Кузьмин увидел внизу

возведённый на скорую руку забор.

— И что... теперь? Мне туда спускаться? — спросил он.

— Нет. Сначала идите в автобус, у элиты все узнаете, — ответил режиссёр.

— У... чьей... элиты? — не понял Кузмин.

— Ни у чьей, у нашей. Ее зовут Элита. Ассистент.

Подойдя к «соболю», режиссёр втолкнул Кузмина внутрь.

Внутри маленький автобус был перегорожен еще одной плотной занавеской.

— Виталик, это ты? — донёсся оттуда звучный женский голос. — Нашёл кого-нибудь? Мать твою за все четыре ноги! Анька уже икру мечет!

— Это... не Виталик, — ответил Кузмин. — Это... В общем, он меня нашёл.

— О, замечательно! Заходите сюда!

Занавеска откинулась. Женщина лет тридцати внимательно смотрела на него.

— Проходите. Присаживайтесь. Я ассистент режиссёра, меня зовут Элита.

— Я знаю, — сказал Кузмин, садясь на боковую скамейку. — Мне ваш... Виталик даже деньги авансом выдал. Но ничего толком не объяснил. «Мужчина за кадром для коллекции купальников». Бред какой-то.

— Нет, — женщина приятно улыбнулась. — Это я велела сказать «мужчина за кадром». Вам нужно просто совершить половой акт.

Она произнесла эти слова таким обыденным тоном, будто просила вытолкать из песка машину или поднести тяжёлую сумку.

— Что совершить?! Поло... — Кузмин поперхнулся и покраснел. — Акт...

— Да. Сокопуться с женщиной. За пять тысяч. Он столько вам дал?

— Ну да... Пять, ровно. А... Вы что — порнографию снимаете?

— Нет-нет, — ассистентка Элита решительно подняла руки. — Обычную коллекцию одежды. Времени нет, но в двух словах попробую объяснить...

Кузмин молчал — он ожидал любого подвоха, но не такого. Скрывая состояние, он разглядывал обстановку — шкафчики, столики, папки. — Мы снимаем фотомоделю Анжелу Сендич. Знаете такую?

— Анжелу?... Нет.

— Ну, мужчины не все знают... Но многие. Журналы смотрят и так далее.

— Я журналов не читаю и телевизор не смотрю. Меня это не интересует.

— Каждому своё, — легко согласилась женщина. — Но поверьте, Анжела Сендич — одна из перспективных российских моделей. Просто живёт в нашей деревне. В Москве жизнь дорогая, туда дешевле летать, когда надо.

— Да-да, — не понимая ничего, кивнул Кузмин. — Но...

— Но у неё, как положено, свои прибабасы, — усмехнулась ассистентка. — Анжела может сниматься в сессии только когда ее кто-то... трахает.

— Все-таки порнография? — почти удовлетворённо повторил он.

— Нет, обычная фотосессия. Но ее кто-то должен трахать. За кадром.

Кузмин смотрел, ничего не понимая.

— Ну... снимается модель в платье. А сзади пристроился партнёр.

— Непонятно. Зачем это нужно? — сумел-таки спросить он.

— Затем, что, когда трахают, у неё лицо делается выразительным. Заметил какой-то любовник. У неё дядя богатый, на нефти, раскрутил. Но в обычном состоянии она ничего из

себя не представляет. Снимать ее имеет смысл только во время полового акта. Теперь понятно?

— Ну... — Кузмин пожал плечами. — Поверю вам на слово.

Пятитысячной бумажки хватало и на стартер и на аккумулятор.

— Вот именно, поверьте, — улыбнулась Элита. — Я вижу, вы умный человек.

— Но... почему я? — задал он главный вопрос.

— Потому что у нас форс-мажор. У Аньки... у Анжелы есть постоянные партнёры для съёмок, но у неё характер не приведи господь. Вечно со всеми ссорится. Нынешний ей подлянку сунул — отказался приезжать, если она гонорар не увеличит. Анжелка на дыбы — ни копейки, ищите кого хотите. А съёмки переносить нельзя. У нас контракт, купальники сезонный товар, каждый день промедления — смерть. Теперь все понятно?

— Теперь все, — кивнул Кузмин. — И за... это я... уже получил пять тысяч?

— Именно так. Теперь давайте быстро на площадку, солнце передвинется.

— У меня тёща с дочерью в «Метро», — зачем-то сказал он. — И... жена... тоже с ними. А я остался машину чинить. Теперь вот руки грязные...

— Воды, к сожалению, у нас тут нет. Бардак... Вот вам влажные салфетки.

— Спасибо, — ответил Кузмин и принялся вытирать замасленные руки.

— А насчёт жены... — ассистентка усмехнулась. — Бывают ситуации, когда женатый человек хочет быть холостым, разве не так?

— Классику знаете, — он хмыкнул. — Это хорошо.

И вдруг, несмотря на чудовищность ситуации, ощутил странную лёгкость.

— А почему... — спросил он. — Того же... Виталика было не использовать?

— Виталика?! — женщина засмеялась. — Ой, уморили! Он же член съёмочной группы. К тому же пассивный гомосексуалист.

— Ясно, — вздохнул Кузмин. — Значит, остаюсь только я...

— Вы, вы... Ну давайте, раздевайтесь, — поторопила она.

— Совсем?

— Верх можете оставить. Вы какими презервативами пользуетесь?

— Презервативами?! — он опять впал в ступор. — В каком смысле?

— В том, какой у вас размер пениса, — спокойно пояснила ассистентка.

— Не знаю... Не помню, когда в последний раз пользовался.

— Ладно. Выясним, — она достала целую коробку. — Снимайте штаны.

Раздевшись, Кузмин обнаружил, что, естественно, не готов к ситуации.

— Ну, что там у вас?

— Как вам сказать, — криво усмехнулся он. — Кризис от неожиданности.

— Эрекции нет? — без улыбки уточнила Элита. — Не беда, у всех бывает. Сейчас нагоним.

С невероятным спокойствием она взяла его половой член. Рука ее оказалась маленькой, но крепкой. Видя, что поможет только радикальная мера, она молниеносным движением стёрла помаду. То ли от прикосновения губ, то ли от неожиданности, но его орган стал наливаясь.

— Вот и отлично, — ассистентка выпрямилась. — Сейчас резинку найдём...

Она вытащила пакетик, надорвала и ловко раскатала презерватив.

— Всё. Готово. Пойдёмте сниматься.

— А... как мне нужно...

— Как обычно, — женщина засмеялась. — Да вы не бойтесь, я рядом буду.

— А если я... — Кузмин не сумел выдавить из себя слово «кончу».

— Испытаете оргазм? Да сколько угодно. Только предупредите. Скажете просто: «Смена резины!»

— Смена резины?! — почему-то удивился он. — У вас тут прямо шиномонтаж какой-то...

— Ну да, смена, — видимо, женщина машину не водила и шутки не поняла. — Чтобы я наготове была. И член сразу вынимайте, но аккуратно, чтобы презерватив не соскользнул.

— Ну да, — усмехнулся Кузмин. — В наше время без медсправки...

— Не в справке дело, — поморщилась ассистентка. — Анжелка трахается с кем попало, но до смерти боится получить сперму. Где-то вычитала, что капля семени портит генофонд, а она собирается разбогатеть, сделаться добродетельной матерью и родить троих детей от породистого мужа.

— Дела... — вздохнул Кузмин. — Ну что теперь? Прямо так идти?

— Вот полотенце банное. Завернитесь, — женщина встала со скамейки.

Шагая по проходу, он услышал, как в оставленных на скамейке джинсах звонит сотовый и подумал, что его стоило выключить, а потом сослаться на аккумулятор — а теперь придётся что-то придумывать, поскольку звонить могла только жена.

Но эти трудности казались ничем в сравнении... с предвкушением полового акта с известной всем, кроме него, фотомodelью Анжелой Сендич.

Не говоря уж о пяти тысячной бумажке за противосолнечным козырьком.

2

Они почти бежали вниз по крутой тропинке. Кузмин ощущал, как при каждом шаге шуршит о полотенце презерватив.

На площадке за забором лежало несколько надувных матрасов, стоял пляжный зонтик, столик с напитками в ярких бутылках, пара белых шезлонгов. Здесь был создан уголок цивилизованного пляжа.

На складных табуретках сидели двое мужчин — один с огромным фотоаппаратом, второй — уже знакомый режиссёр, который сразу вскочил.

А в отдельно стоящем кресле сидела, девушка, закутанная в длинный махровый халат. Очевидно, великая фотомodelь Анжела Сендич, которую...

— Не прошло и года, как нашли, — раздраженно сказала она.

— Так я же тебе говогив, Анжела, — сказал режиссёр. — Попгобуй найди чевовека за пять секунд! Я пытався, меня два газа пгинали за педегаста...

— Потому что ты и есть педераст, — равнодушно ответила модель.

И наконец посмотрела на Кузмина.

— Полотенце сними, — тихо подсказала Элита.

Кузмин мгновенно покраснел. Член стоял так, что даже слегка подрагивал.

— Пойдёт, — спокойно сказала фотомodelь. — А то уж я собралась сама себя пальцем трахать.

И встала, бросив халат на кресло, оставшись в одних сланцах.

Краснея еще больше, Кузмин невольно рассматривал тело, с которым ему предстояло выполнить роль мужчины за кадром. Анжела выглядела лет на двадцать пять. У неё были идеальные черты лица, идеальные большие тёмные глаза, идеально блестящие черные волосы, идеально подстриженный лобок. Все ее тело казалось идеальным, в меру накачанным и заботливо ухоженным — от густых ресниц до пальцев ног. Она не отличалась формами, но и не выглядела вешалкой для одежды. Грудь не могли назваться большими, но

и маленькими тоже не были, и их увенчивали очень тёмные, почти черные круглые плоские соски. Несмотря на весну, девушка не сияла белизной тела, но даже в искусственном солярии вряд ли мог получиться такой эффект, просто она имела тёмную кожу — не смуглую, а именно тёмную. Которая гармонировала с черными волосами и темными сосками.

Но Кузмину она не понравилась, хотя он и сам не знал, почему. Может быть, отталкивала чрезмерная ухоженность. Или безупречность черт — Элита выглядела куда симпатичнее. Или идеальность фигуры, не имевшей ни одного мягкого места. А скорее всего потому, что он всю жизнь любил белокожих женщин, с едва заметными прожилками на самых тонких местах. Но это не должно было его волновать — вернее не волновало никого. Он уже получил деньги, ему осталось лишь вставить член.

Самой Анжеле было абсолютно всё равно, как он на неё смотрит.

Не говоря ни слова, она прошла к матрасу. Посмотрев ей в спину, Кузмин отметил, что тело ее накачано до предела: ягодицы не колыхались, а лишь слегка подрагивали. И торчали выше, чем задница его собственной жены. Подумав о жене, Кузмин вспомнил, что ее груди отвисли, не потеряв объёма, их можно было брать и подкидывать во время секса. Которым они занимались неизвестно, когда: мешали бесконечные скандалы из-за денег.

Анжела легла на спину и развела ноги. Такая поза была неприличной, но сейчас казалась производственной.

Кузмин отметил, что ляжки модели все-таки чуть худоваты: в самом важном месте у неё виднелась впадина.

— Ну, давайте наконец! — с тем же раздражением сказала модель. — Элита!

Ассистентка вытащила тюбик вагинального крема и привычным движением обмазала презерватив.

— Как мне... её? — тихо спросил он.

— Как любую женщин, — так же тихо ответила ассистентка. — Только макияж нельзя трогать. И волосы. Вообще ничего нельзя трогать.

— А... грудь?

— Грудь тем более, она чувствительная.

— Но... — пробормотал Кузмин.

— Пристраивайтесь снизу. За задницу ее можете взять. Ну-ка...

Кузмин присел, ассистентка схватила его член и втолкнула в отверстие, которое у великой фотомодели оказалось на том же месте, что и у простых женщин.

Теперь действительно началась работа.

Анжела молчала, и он начал совершать фрикции — смазка быстро запенилась, двигаться в безразличной женщине стало легко — ведь модель лежала на матрасе, не проявляя ощущений.

— Так за... попу ее можно взять? — уточнил он.

— За попу можно. Но аккуратно, чтоб без синяков.

Кузмин подхватил Анжелу Сендич, оторвав её нетяжёлый таз от матраса.

Девушка пробормотала что-то утвердительное и закрыла глаза.

Он усилил движения.

— Хорошо, — вдруг сказала модель изменившимся голосом. — А теперь еще посильней.

Чтобы груди тряслись.

Кузмин заработал более энергично. Пришла иллюзия, будто совершается обычный половой

акт. А зрители присутствуют только в воображении.

— Неплохо, — раздался сверху голос фотографа. — Очень неплохо, Анжела.

— Так сильно ее не трясите, — сказала Элита. — Кадр смажется.

Все-таки порнография, — подумал Кузмин.

Но даже не глядя на половые органы или голую дрожащую грудь модели, фотограф склонился и сделал несколько портретных снимков.

Кузмин вдруг сам заметил, что лицо девушки странным образом преобразилось. Оно стало, по-прежнему красивым — но сделалось мягче, одухотворённое и в тоже время ушло куда-то глубоко в себя.

— Хватит, — сказал Виталий. — Анжева, габотаем. Давай вех от купальника.

Элита вытащила из ящика красный лифчик.

— Мне что делать? — спросил Кузмин.

— Ничего. Продолжать не спеша. Мы пока будем только верх менять.

Ассистентка подавала купальники, сама застёгивала их на Анжеле. Сначала ее фотографировали лёжа, потом она перевернулась на бок — придерживая за бёдра, он оказался сзади. Потом модель встала на четвереньки — фотограф, присев, фотографировал ложбинку между грудей. Кузмин долбил осторожно, отметив, что задница у неё все-таки маловата.

Анжела его не замечала Кузмина — он был, вставленной в половое отверстие для рабочего состояния.

При всём разнообразии нарядов съёмка шла в ураганном темпе и в самом деле заняла не больше пятнадцати-двадцати минут.

— Теперь верхом, — вдруг объявила Анжела, бывшая в этот момент голой.

Кузмин замер, не понимая, что от него требуется.

— Ложитесь на спину, — пояснила Элита. — Поза наездницы.

Он опрокинулся, придержал рукой член. Фотомодель с маху насадилась спиной к нему и начала прыгать, постанывая. Словно забыв о том, что занимается съёмками, а не сексом. Кузмин наблюдал с интересом, но это длилось недолго: сверху упало что-то мягкое. Вероятно, его накрыли полотенцем, чтобы он не попал в кадр. Лишившись зрения, Кузмин ощутил мгновенную перемену: теперь весь мир сконцентрировался на кончике полового члена. И он представлял, что чувствует девушка.

— Анжела, солнце уходит, — напомнил невидимый фотограф.

— Да, да... — неожиданно покладисто ответила фотомодель.

Замерев, она сжала мышцы с таким усилием, что Кузмин понял: она доходит сама. И пока сверху шуршало, и шелкало: видимо, ей меняли, застёгивали и расстёгивали лифчики — он продолжал доставлять ей удовольствие. Которое было очевидно по спазмам ее тела.

Ему вдруг стало жаль эту девушку, бессильную без дополнительного секса.

Чувствуя озарение, он раздвинул смуглые — он ведь успел запомнить, что они такие же смуглые, как и все тело — ягодицы и осторожно ввёл палец в задний проход. Модель сделала движение, словно хотела его всосать.

— Анжева, не прыгай, спокойно! — крикнул режиссёр.

— Анжела! — орал фотограф. — У тебя изумительное лицо! Еще! Еще, еще...

Фотомодель что-то ответила, а Кузмин почувствовал, что ему на руку и на живот тычет горячая влага. Этого он не ожидал, но это было так.

Анжела обжала его еще раз, потом объявила срывающимся голосом:

— Все. Я кончила. Надо передохнуть.

— Какое передохнуть? — вскричал фотограф. — Солнце падает, а мы еще ни пары трусов не сняли.

— Сейчас... передохну немного. Трусы все равно промокнут...

И слезла с Кузмина равнодушно, как с деревянного сучка.

Кто-то стащил с него душное полотенце.

Анжела прошлёпала к креслу и села, подставив ветру промежность. Все тело ее выражало крайнюю степень удовлетворения.

— Все, — сказала Элита. — Трусы она сама наденет. Пойдёмте переодеваться.

З

— А куда мне... презерватив бросить? — спросил он в «соболе».

Посмотрев вокруг и не увидев мусорного бачка.

— Давайте! — сказала ассистентка.

И, сдёрнув склизкую резинку, сунула в ящик под скамейку.

Кузмин потянулся за джинсами.

— Вы ведь оргазма не испытали? — вдруг уточнила Элита.

— Нет, — вдохнул Кузмин. — Я пытался создать ощущения... У Памелы.

— Анжелы. Хотя какая фиг разница. Но это плохо.

— Что — «плохо»? — не понял он.

Не отвечая, женщинахватила его половой орган и пробежала от корня до конца.

— Все это плохо. Вы возбуждались, но не эякулировали. Приток крови есть, оттока нет. И вы с трудом дотерпите до вечернего секса с женой...

— ... Если он будет, — проклиная себя, вставил Кузмин.

— Это плохо и вредно, — сказала Элита. — Вам надо облегчиться.

— Как? — по-идиотски спросил он.

— Я помогу.

— Как? — повторил он уже как полный кретин.

Ассистентка расстегнула джинсы и спустила вместе с черными трусиками, встала коленками на скамейку. Перед Кузминым сверкнула широкая, серьёзная задница.

— Но...

— Давайте сюда член.

— А презерватив? — он не воспринимал реальность. — Сперма и все такое?

— Я давно ничего не боюсь, — ответила ассистентка. — Тем более спермы.

— Но я...

— Подождите, я сама... У меня положение вагины нестандартное, и...

Не договорив, Элита потащила его в себя. Кузмин ощутил колкое прикосновение волос, потом орган провалился в горячую влажную пропасть.

— Ничего себе... — пробормотал он.

— А вы как думали? Смотреть и не возбудиться? — по-своему поняла она.

Влагалище Элиты в самом деле открывалось под странным углом — войдя, он испытал иллюзию, будто его половой орган раза в два длиннее реального.

— Давайте, у вас получится. И станет легко. И хорошо...

Кузмин взял женщину за белые бедра. Он уже ничему не удивлялся, ему просто хотелось

поскорее кончить. Возбуждение трепетало на конце.

Где-то за спиной с грохотом отодвинулась дверь «собоя», раздался голос: — Элита! Я хочу...

— Виталий, я занята! — крикнула ассистентка. — Подожди пять минут.

Говоря, она повернулась в профиль. Лицо ее было невероятно красивым — в отличие от невероятно совершенного лица Анжелы Сендич.

Половой член казался чёрным на фоне снежно-белых ягодиц, с неба безнаказанно. — Я бы сказала, что скорее приятности, — Элита опять улыбнулась. — Давайте где-нибудь в кафе посидим. Когда у вас будет время.

— Элита, — честно сказал Кузмин. — У меня свободное время, например, сегодня. — Но я в кафе не хожу. Стыдно признаваться, денег нет. Я ведь охранником работаю. И ни одного кафе не знаю.

— Извините, просто привычка... Чашку кофе охранник может позволить?

— Может, — согласился Кузмин. — Но повторяю, я мест не знаю.

— Ну тогда... Сможете подъехать через полчаса... через час к «Семье»?

— Смогу. Хотя ненавижу этот торговый центр. Как и все прочие.

— Да мы туда не пойдём, — засмеялась женщина. — Вы меня подхватите у входа, и мы с вами куда-нибудь проедем поговорить. Идёт?

— Идёт, — согласился Кузмин. — У «Семьи» через час.

2

— Скажите, Александр, вы не слишком были шокированы... тем днём? — без улыбки спросила Элита.

— Я... Нет, не слишком.

Кузмин покраснел. Он глядел на женщину в джинсах и курточке и жгуче представлял себе ее с белой голой задницей. Он отвёл глаза, но похоже, женщина поняла правильно.

Кафе было обычным. Не слишком современным, без дикой музыки и с ценами, позволившими угостить Элиту чашечкой кофе.

Женщина выдержала его блуждающий взгляд и паузу. И он завершил:

— Если бы слишком — я бы сюда просто не пришёл.

— Разумный ответ, — кивнула Элита. — Я на такой и рассчитывала.

— На самом деле, — Кузмин взглянул в ее зеленоватые глаза. — Вы меня здорово выручили. Я на... на свой гонорар машину сумел отремонтировать.

— А уж как вы нас выручили — слов не найти, — ответила женщина без тени усмешки. — Вы не представляете, Саша... Можно просто «Саша»?

— Можно, — кивнул он.

— ... Не представляете, Саша, как у нас сроки горели. Контракт завис на волоске. Теперь все нормально. Вот, уже вышло.

Она выложила на столик журнал. Кузмин взглянул на обложку и едва не задохнулся от нахлынувшей реальности. На него — точнее сквозь него — смотрела Анжела Сендич. В красном купальнике с мелкими цветочками по краю. Бумага была готова задымиться от страсти. Потому что внизу за обрезом снимка остался он, и на его члене сидела гениальная фотомоделка.

— Просто супер, — Элита улыбнулась. — Продюсер сказал, что такого лица даже у Аньки... То есть у Анжелы еще никогда не было.

Кузмин усмехнулся и ответил просто, с непонятной для себя грустью:

— Я старался.

— Так вот, для чего я вас пригласила, — женщина убрала журнал. — Виталик вас нашёл случайно, но то был гениальный случай. У него так бывает, хоть с виду и придурок. Продюсер в восторге от снимков, Анжелка без ума от вас.

— От меня?! — искренне изумился Кузмин.

— Ну да. После той сессии ни о ком другом слышать не хочет.

— Чушь какая-то... Не может быть. Как говорил Станиславский — не верю.

— ... Блеск! — перебила она. — Современный человек знает Станиславского?!

— Я как раз несовременный, потому и знаю. А вообще я бывший литературовед. Но не в этом дело. Не верю. Я Анжеле в отцы гожусь. И я не половой гигант, у меня вообще в последнее время с этим делом проблемы.

— ... Чего лично я совершенно не заметила, — с улыбкой вставила Элита.

— ... У неё что — молодых любовников не хватает?

— Саша, вы так и не поняли суть Анжелки. Любовников у неё до хрена и больше. Она держит нескольких — чтобы не привязаться к кому-то сильнее допустимого, пока жизнь состоит в работе. Мужчина для постели и мужчина для работы — разные понятия. Она потому со всеми и ссорилась, что на съёмках эти мужики вели себя как любовники.

— А я как трахательный аппарат, — невесело пошутил Кузмин.

— Трахательный аппарат — это одна сторона. Не будем романтиками, назовём вещи своими именами, — серьёзно сказала Элита. — Но оказалось, что это не самое главное. До сих пор Анжелке надо было, чтобы ее кто-то трахал, хотя при этом трахался с нею и сам...

Улавливаете разницу?

— Ну... примерно. Хотя я не понимаю вообще — Анжела она или Анька. Почему у неё такой цвет кожи? И почему она такая... гребучая... Не слишком много вопросов?

— Совсем нет, — улыбнулась Элита. — Зовут ее Анна. Анжела — псевдоним. Фамилия Сендич настоящая. У неё сербские корни. Отсюда, как вы сказали, гребучесть. И цвет кожи. Она, кстати, из-за него страшно закомплексована. Сейчас в высокой моде загар не в моде... Женщина сказала рифму и засмеялась.

— В том смысле, что загорелые только безмозглые качки из фитнес-клубов. А обычная женщина должна иметь кожу нормального цвета. Анька поэтому старается на солнце вообще не ходить. Я доходчиво объяснила?

— Вполне, — усмехнулся Кузмин. — Теперь все понятно.

— Ну, так вот, про любовников. Вы правильно сказали, Саша, хоть и недооценили себя. Она это сто раз повторяла — вы её трахали... Нет, не трахали, она сказала слово «любили» в смысле занимались любовью, стараясь доставить удовольствие ей — а не себе. И довели её до оргазма, чего с нею никогда на площадке не случалось. Обычно мужики кончали, потом меняли презерватив, съёмку возобновляли, и так далее. А тут вы её вели от начала и до конца, и довели до точки.

— По большому счету, в моем возрасте приятнее давать, чем брать.

— Неважно. Анжелка теперь требует только вас.

— В... каком смысле? — не удержался Кузмин.

— В профессиональном. Она нашла идеального напарника для съёмок.

— Ну уж и напарника... А если это получилось только в первый раз?

— В таких делах Анжелка не ошибается, — возразила Элита. — У неё знаете сколько мужиков

было? Больше, чем вы сигарет выкурили!

— Я не курю, но верю, — усмехнулся Кузмин. — И что?

— А то, что она боится, что вы исчезнете. И желает заключить контракт.

— Контракт?! — изумился Кузмин. — Со мной?!

— Ну да. С вами.

— Анжела Сендич... Контракт о том, что я буду её... трахать?

— Не Анжела Сендич, а продюсерская группа, — улыбнулась ассистентка. — И что-нибудь про специальную поддержку. Для начала на год.

— На год?!

— Ну да. Пока на год. Там видно будет. Надеюсь, Анжела продержится на верху ещё лет пять, и у вас тоже есть шанс.

— Если я заключу контракт, то должен буду постоянно сниматься с ней?

— Ну да, разумеется, — кивнула Элита.

— Но...

— Вы насчёт эрекции? Если будут проблемы, я назначу препарат.

— Нет, не в этом дело. Я же работаю, и...

— Саш! — женщина положила маленькую ладонь на его руку. — Вы ведь выбитый из жизни литературовед, охраняющий какую-то шарашку. Так?

— Именно так, — криво усмехнулся Кузмин.

— Какая у вас зарплата? Тысяч десять?

— Пять, — он ещё раз усмехнулся.

— Пять в месяц, шестьдесят в год.

— Ну ещё всякие приработки, таксую иногда, но всё мизер. Потому и на этой машине езжу. И за дочь надо платить каждые полгода в академии.

— Ну если по максимуму взять — сто тысяч в год?

— Ста не выйдет, — он покачал головой.

— Вот. А в контракте будет указана сумма примерно такая...

Элита написала на салфетке число, где Кузмин не сразу сосчитал нули.

— Шутите? — пробормотал он.

— Ничуть. Вы не представляете, какие средства вложены в Анжелу. Поэтому так важна техническая поддержка, без которой она, между нами — ничто.

Кузмин молчал, переваривая услышанное.

— В конце концов, всего на год. Если вам не понравится...

— А... Что я должен сделать сейчас?

— Ничего, — улыбнулась женщина. — Поехать на встречу с продюсером, понравиться ему... Хотя ему вы уже понравились по результату.

— Всего и делов-то?

— Всего и делов-то.

— Хорошо, — сказал Кузмин. — У меня остался один вопрос...

— Когда? — женщина взглянула на мобильник. — Через час. Поедем вместе, я покажу дорогу...

— Не угадали. — усмехнулся он. — Я хотел спросить не о том...

— А о чём? — на лице Элиты появилось недоумение. — В контракте всё будет сказано, включая страховку и так далее. Так... — Я буду технически обеспечивать Анжелу во время

съёмки. Но потом мне потребуется облегчение. И... — он почувствовал неловкость вопроса. — И... я могу рассчитывать, что вы мне будете... помогать?

— Не вопрос! — Кузмин поразился, как внезапно расцвело лицо женщины, даже ямочки появились на щеках. — Если вам этого хочется.

— Мне уже хочется, — признался Кузмин. — С того ещё первого раза.

— Меня это радует, — просто сказала она, вставая.

3

Через несколько часов они сидели в том же кафе, и Элита внимательно просматривала контракт, только что подписанный Кузминым.

— Если честно, — признался он. — Мне не верится. Мне кажется, тут ошибка, в сумме лишний ноль написан.

— Я бы сказала, что одного нуля не дописано, — возразила женщина. — Но продюсер человек осторожный. Это ведь на первый год.

— Куда уж ещё... — пробормотал Кузмин, плавая в каком-то дурмане.

Всё прежнее: постылая работа, безденежье, семья, сварливые женщины — в один миг улетело, заменённое несколькими скреплёнными листочками бумаги, где обещались такие золотые горы, что это не казалось реальным.

— Правда, кажется, — сказала женщина. — Они вашу фамилию переврали.

— Как переврали?

— Так. Написали «Кузмин» без мягкого знака.

— Правильно. Я не Кузьмин, а именно Кузмин, — усмехнулся он. — Несмотря на тупость звучания, редчайшая русская фамилия. Мировая культура знает художника Кузмина, мирискусника и приятеля Константина Сомова... если вы про них слышали.

— Смутно, — призналась женщина. — Я всего лишь психоневролог. Но радуюсь, что человек со старой русской фамилией снова пойдёт на взлёт...

— ... Исполняя роль полового члена для суперзвезды за сумму, которая не снилась большинству русских людей даже с современными фамилиями.

— Именно так, — усмехнулась женщина. — И то ли ещё будет.

4

Дома он сказал, что уволился из охраны и нашёл более денежную работу.

Никто из женщин не удивился; его делами в семье уже давно никто не интересовался.

Идя на съёмки, Кузмин слегка тревожился: ему не верилось, что по первому разу можно судить обо всем.

Но эти съёмки прошли так же хорошо, как и первые.

Вторые — тоже. И третьи, и четвертые, и пятые...

Как ни странно, Кузмин быстро понял потребности фотомодели, её слабости и свою силу. Анжеле Сендич требовалось постоянное раздражение половых органов. Но обратная связь ей мешала: человек, удовлетворяющий ее, не должен был удовлетворяться сам. Кузмин, в силу возраста и жизненных коллизий, в значительной мере утратил способность к удовольствиям. Но сохранил мужскую силу. Поэтому мог обрабатывать Анжелу сколько требовалось. Не думая о себе, он отслеживал состояние «клиентки», определил ее чувствительные места и предпочтения — и легко доводил ее до оргазма, играя на теле.

Усовершенствовав непростую технику доведения модели на площадке, Кузмин развязал руки режиссёру Виталию — освобождённый от мелочных забот по удовлетворению Анжелы, тот

теперь строил просто невероятные композиции. Кузмин уже знал, что фотограф Сергей снимает всё, но потом отбраковывает половину снимков, где замечен мужчина за кадром. Виталику удавалось разместить Анжелу практически целиком без намёка на метод.

Вершиной своего мастерства Кузмин считал сессии, посвящённые нижнему белью. Бесконечные лифчики в счёт не шли; там нижняя часть просто не попадала в кадр. Особо гордился он двумя сериями.

На одной Анжела рекламировала колготки — сидя на стуле и заняв весь кадр своими ногами. И лишь Кузмин знал, что внизу лежит он и ублажает Анжелу через отверстие в сиденье.

А истинной вершиной Кузмин считал рекламу чулок. Где Анжела, исключая предмет рекламы, была голой и лишь прикрывала срамные части. Лучшим из снимков был тот, где Анжела сидела боком, спрятав соски и устало, уронив руку между ног. Как раз под руку и уходил Кузминский член. А в заднице шевелился палец, и перед этим кадром модель испытала оргазм.

Сам Кузмин, выполняя работу, думал только о том, как получит облегчение с ассистенткой. В зашторенном «соболе» — если съёмки проходили на выезде — или в арендуемом помещении, где Элита имела отдельный кабинетчик.

Именно эта мысль грела его больше всего.

Элита становилась все желаннее, а удовольствие все острее и глубже.

5

Однажды, укрывшись с Элите в «соболе», Кузмин вдруг сказал, удивляясь тому, как это не приходило в голову раньше:

— Элита... У меня появилось предложение, которое стоило сделать давно...

— У меня к вам, Саша, тоже есть назревшее предложение, — ответила она.

— Ну, тогда я уступаю вам очередь. — усмехнулся Кузмин.

— Я предлагаю перейти на «ты». Хотя вы и старый русский интеллигент и вообще, но после всего, что между нами произошло... — женщина сделала в воздухе витиеватый жест. — Звать друг друга на «вы» просто смешно.

— Согласен, — ответил Кузмин. — Моё предложение более радикально. Хотя я надеюсь, что вы... что ты его оценишь.

— Я вся внимание.

— Элита, мне кажется... Нет, не так, — он вздохнул. — Элита, мы с... тобой уже так много раз... облегчались на скамейках и вообще, что мне кажется — не пора попробовать заняться этим делом в более комфортном месте?

— Точно, — ответила женщина. — Мне самой этого хотелось. Честно говоря, я к тебе уже настолько привыкла, что мне хочется иметь с тобой полноценный оргазм. Но я не Анька и не могу делать этого, стоя на одной ноге.

— Встаёт единственный вопрос — где? У меня полная квартира баб.

— Я живу с мамой и пятнадцатилетним сыном от первого брака. У меня, правда, куплена ещё квартира для себя. Но там ремонт...

— Хм... — пробормотал Кузмин. — Ситуация.

— Саша, я тебе поражаюсь, — выждав паузу, с восторгом сказала Элита. — Ты на самом деле настоящий старый русский интеллигент.

— Да?... А почему?

— Ты никогда не пользовался съёмными квартирами для секса?

— Я... нет вообще-то, — растерянно ответил он.

— Ни разу?!

— Ни разу. И даже не знаю, как эти квартиры искать...

— Саша, ты просто святой, — женщина поцеловала его в нос. — Не волнуйся, у меня опыт есть. Правда, я давно уже этим не занималась.

— Давно? — зачем-то переспросил Кузмин.

— Давно. Но сейчас купим любую местную газету и позвоним...

— Элита, ты чудо! — воскликнул он. — Чтобы я без тебя делал?

— Ничего, — ответила женщина. — Просто нашёл бы меня.

6

Занятия сексом на нормальной постели оказались куда более приятными, нежели быстрое удовлетворение в автобусе.

И сразу стало ясным, что они с Элитой прекрасно подходят друг к другу.

Теперь они совершали быстрое «облегчение» на месте: оно раззадоривало — а потом уезжали и проводили вместе долгие часы.

К съёмным квартирам Кузмин привык, тем более что Элита умела выбирать достаточно приличные.

Однажды она сказала:

— Ну вот, скоро мы группой поедем в командировку.

— В командировку? — переспросил Кузмин. — И куда?

— В Москву. К одному известному модельеру.

— И... и я еду?

— Какие съёмки без тебя? — усмехнулась Элита. — А что, будут проблемы?

— Какие проблемы, дома знают, что у меня новая денежная работа и я на всякий случай предупредил о командировках. Просто так... спросил.

— Кстати, бухгалтер компании тоже очень доволен.

— Чем?

— Тем, что мы с тобой спим, — просто пояснила Элита.

— Правда? А я... честно говоря, опасался, что это кому-то не понравится.

— Саша, — ассистентка приподнялась, ее небольшие грудки коснулись сосками простыни. — Кому это может не понравиться? Анжелке все равно. Сергей и Виталик — педерасты...

— Педерасты?! Неужели?

— А ты не знал? Кто кроме фотографа-педераста выдержал бы всю эту Анькину порнографию? Они педерасты и видят только друг друга.

— Ясно,— сказал Кузмин. — Но... причём тут бухгалтер?

— При том, что наша половая связь приносит экономию бюджета.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты ведь не против... если мы будем жить в одном номере?

— «Не против»! — передразнил он. — Да это лучшее из всего.

— Ну так вот. Считаю. Раньше было так. Люкс для продюсера, люкс для Анжелки.

Двухместный для гомиков. Простой для меня. И ещё один для её...

— Трахателя, — договорил Кузмин. — А теперь один двойной для нас с тобой?

— И это гораздо дешевле. Так что ты во всех отношениях находка.

7

В Москве произошло наконец то, что, наверное, готовилось уже давно. Толчком послужила то ли обстановка, то ли характер сессии.

Снималась коллекция длинных платьев в интерьере подмосковного дворца. Всю серию Анжела красовалась в полный рост перед меняющимся фоном. А за фоном стоял Кузмин, аккуратно задрав роскошный подол...

И вот тут, задерживаясь в одной позиции, Кузмин понял, что на кончике члена зарождаются ощущения: он сам начал испытывать удовольствие. Неожиданно выяснилось, что фотомоделль Анжела Сендич — такая же женщина, как и прочие. И гонять член в ее влагище не менее приятно, нежели в любом другом. Тем более, девица возбуждалась с пол-оборота, и обилие ее смазки делало неощутимым разделявший их презерватив. Кузмин даже удивился, что организм так долго готовился к очевидному.

— Элита... — пробормотал он, вспомнив давние слова о смене резины.

— Да, я тут, — отозвалась ассистентка. — Что случилось?

— Да... Ничего. Показалось, что резинка порвалась.

— Показалось?

— Да, показалось.

Кузмин продемонстрировал покрытый пеной, но совершенно целый презерватив.

— Молодец, хвалю за бдительность, — кивнула Элита, ничего не поняв.

А он уже и сам не понимал, как едва не испытал оргазм во время съёмки. Это было помутнение рассудка. Вынутый на две секунды член остудил ощущения и вернул здравость рассудку. Только полный идиот, работая по такому контракту, мог уподобиться прежним закадровым молокососам и получить сексуальное удовлетворение. Это было недопустимым хотя бы потому, что Кузминский член мог отказаться продолжать свою работу после испытанного удовольствия. Не говоря уж о том, что он прекрасно понял: Анжела ценит его, Кузмина, прежде всего за способность долбить ее без предела. Одним семяизвержением он мог сильно попортить — если вовсе не подломить — свою карьеру.

Элита в самом деле ничего не заметила — точнее, ни о чём не догадалась. И лаская ее вечером на широкой кровати гостиничного номера, Кузмин не обмолвился о едва не совершенной ошибке.

Но с этого раза понял, что тело его не столь бесчувственно, как казалось ему в последние годы. И работая с Анжелой не позволял доходить до собственных ощущений. Что при его способности держать себя в руках оказалось не трудным делом.

8

Дома Кузмин сказал туманно, что работа хорошая и денежная — в том, что денежная, семья убедилась сразу. Разумеется, он приносил лишь часть того, что ему выплачивали по контракту, но и этой доли хватало вполне.

Для объяснения командировок он придумывал всяческие объяснения, далёкие от истины. Он знал, что тёща суций дьявол и опасался, как бы она не выведала о той сфере, куда он попал.

Хотя Кузмин отдалился от домашних, ему не хотелось ничего менять. То есть менять следовало кардинально. А это зависело не только от него.

9

После нового года он несколько дней жил у Элиты.

Осенью закончился ремонт в ее квартире, и теперь, когда им хотелось побыть вместе, Кузмин врал про командировку и переезжал к ней.

Такие смены нравились, и он начал думать о большем.

Нынешняя «командировка» была подгадана к старому новому году.

Встретили они его, разумеется, в постели.

И когда настала полночь, то они поздравили друг друга оригинально: сначала Кузмин поцеловал Элиту в губы. Но не в те, которые были всегда на виду. Потом Элита ответила поцелуем в аналогичное место. И наконец они просто поцеловались, обменявшись вкусом своих половых органов.

Поздравив, они снова занялись сексом. Поскольку перед новым годом они уже неплохо поработали, Кузмин выбрал спокойную, удобную позу.

Элита легла на живот, он вошёл сзади и сел на мягкие, толстенькие поверхности ее ляжек. Наклон влагилица позволял совершать движения в такой сидяче-лежащей позе.

Кузмин взял женщину покрепче и напомнил ей о своём существовании.

— Хорошо, — отозвалась Элита.

— Мне тоже, — сказал он.

Было на самом деле хорошо. И сегодня как никогда его охватило желание не уходить больше от этой женщины, а остаться тут навсегда. И он решился.

— Элита, я хочу сделать тебе предложение, — сказал он, держа ее задницу.

— Какое?... — расслабленно пробормотала она.

— Выходи за меня замуж.

— Что?! — она извернулась, глядя ему в лицо. — Что ты сказал?

— Выходи за меня замуж. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

— Ты... серьёзно? — спросила женщина.

— Абсолютно, — ответил он.

— Подожди, давай перележем, — сказала она.

Элита приподнялась над ним.

— Саша, но ведь ты женат.

— Ну и что? — Кузмин пожал плечами. — Семьи практически уже нет.

Женщина молчала. Он тоже молчал. Поняв, что его предложение не просто пришлось не ко времени, а причина гораздо более глубока.

— Спасибо, Саша, — наконец ответила Элита. — Я ценю твоё предложение. Но только скажи... ты сам себе можешь ответить, зачем?

— Что — «зачем»? — не понял он.

— Зачем нам с тобой официально узаконивать отношения.

— Ну, как... Чтобы быть вместе.

— Сашенька, мы и так с тобой бываем вместе столько хочется. Разве не так?

— Так, но...

— И при этом не связаны никакими проблемами. Ты вспомни свой брак.

— Не хочу о нем говорить.

— Нет, вспомни, как он начинался? Ведь вначале было все хорошо, нет?

— Да. Вначале было все хорошо. Но при жене была тёща.

— При мне, — невесело усмехнулась Элита. — Тоже будет тёща.

— А потом безденежье...

— Саша, через все это мы тоже проходили. Да, сейчас у нас хороший период жизни. Анжелка востребована, вместе с нею и мы. А если не дай бог...

— Что — «не дай бог»?

— Даже говорить не хочу... Не хочу допускать такой мысли. Все должно быть хорошо. Но если в жизни опять произойдут перемены к худшему, и опять придётся выгрызаться на поверхность... Вместе это будет трудней.

— Ты думаешь?

— А ты не убедился в этом на примере своей семьи?

Кузмин понял, что Элита права абсолютно во всем, что житейски она в тысячу раз умнее его.

— Извини, Элита, — сказал он, уже удивляясь своему порыву. — Ты права. Может быть, нам хорошо лишь потому, что нас не связали проблемы...

— Но мне было приятно, — она улыбнулась. — Услышать твоё предложение.

— Правда? — переспросил он.

— Правда, — ответила она. — И знай, что я полностью твоя и можем быть вместе всегда, когда ты захочешь.

— Я хочу прямо сейчас, — усмехнулся он.

— В чем проблемы? — улыбнулась она. — В какой позе?

— Знаешь, это глупо... Но... В самой первой. Как тогда, в карьере...

— Знаешь, еще глупее... Твои слова во мне взмутили весь этот песок памяти. И мне тоже захотелось... Хочешь, я надену джинсы и блузку, чтобы все было точно так тогда.

— Хочу! — неожиданно обрадовался Кузмин. — Это было бы здорово.

Женщина спрыгнула с постели. Белое тело ее светилось в темноте, пока она искала одежду и, сверкая гладкими коленями, натягивала одежду.

Потом пододвинула стул и собралась на него сесть.

— Да, кстати, а то сейчас забуду, — сказала она прежде, чем спустить джинсы до колен. — У тебя загранпаспорт действующий?

— Нет, — признался Кузмин. — Есть старый, но это было давно.

— Завтра сфотографируйся. Надо будет срочно делать Шенгенскую визу.

— Шенгенскую... ? А зачем?

— Затем, что в феврале мы летим в Финляндию. Анжелка начинает завоёвывать мир. А вместе с ней и мы с тобой

— А вместе с ней и мы с тобой... — повторил Кузмин. — Ты права. Будем жить, пока живётся.

— Будем, — и она раздвинула ягодицы, чтобы ему было удобнее.

* * *

— Машину поставь в тень, пока мы ходим, — попросила жена у «Метро».

— Освободится место — переставлю, — ответил он. — А нет — пусть работает автоклимат. Кузмина не волновал расход бензина. Не волновало и то, что его чёрная, как антрацит, машина, нагревалась на солнце куда сильнее светлых.

Он купил себе дорогую игрушку и наслаждался всеми ее возможностями, отказываясь верить, что чуть больше года назад на этом же месте проклинал судьбу, реанимируя старые «жигули».

Кузмин включил холод сильнее, поставил классическую музыку и закрыл глаза.

Жизнь была хороша, и жить было хорошо.

Глядя на удаляющихся женщин, он подумал, что, возможно, ему стоило брать пример с Элиты: сначала купить себе квартиру. Но он по-мальчишески выбрал машину, желанную и дорогую.

Он откуда-то знал: надо делать то, чего хочется в данный момент, а когда момент уйдёт, то потом уже вообще ничего не захочется.

Правда, у тётки была однокомнатная квартира, которая стояла закрытой — даже во времена труднейшей безработицы она не позволяла сдавать площадь студентам, утверждая, что деньги в дом должен приносить мужчина — в ожидании, когда выйдет замуж дочь. Дочь, конечно, могла выселиться в любой момент. Но в нынешней квартире все равно осталась бы тётка. Которая казалась Кузмину вечной, как мировое зло.

К тому же он до сих пор не мог понять, стоит ли ему продолжать нынешнее существование, или все-таки нужно обрубить все и жить самому для себя.

С Элитой они жили как муж и жена, разве что не ночевали постоянно под одной крышей. К разговору о женитьбе Кузмин не возвращался.

Усталость от домашних несколько уменьшилась; впрочем, теперь, когда он приносил в дом деньги, даже тётка умерила пыл.

А в последнее время как-то изменилась и жена. Они уже несколько раз занимались с нею сексом, как в давно забытые времена, и он с вдруг понял, как соскучился за последние годы по ее солидным грудям — которые сейчас вдруг опять сделались крепкими и желанными.

Выходило, что он теперь жил с тремя женщинами — одну из которых лишь тыкал членом без удовольствия и ни разу не трогал за грудь! — и как ни странно, его удовлетворяло такое положение дел.

И, возможно в самом деле момент для решительной перемены не пришёл.

И все стоило оставить так, как сложилось сейчас.

Разве что повернуть чуть влево регулятор температуры климат-контроля.

Во всяком случае, переставлять в тень идеально охлаждаемый «хаммер» не имело никакого смысла.

Лучше было обдумать разговор с Элитой. От ассистентки не имелось секретов, и он хотел посоветоваться, как выйти из щекотливой ситуации.

Во время последней сессии он провёл сеанс орального секса, используя особенности реквизита, крайне неудобного для обычного контакта. Результат превзошёл ожидания. Модель испытала чудовищный оргазм, оператор и режиссёр были в полном восторге. Но как оказалось, все это Кузмин проделал на свою голову. Поскольку Анжела — она же Анна — Сендич предложила ему жениться на себе. Мотивировав тем, что ни один мужчина не удовлетворял ее так искусно, постоянно и разнообразно.

И — самое главное! — был достаточно породистым, поскольку в его фамилии отсутствовал плебейский мягкий знак после буквы «З».